

КРЮКОВСКИЙ НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВИЧ

Известный белорусский философ и культуролог, доктор философских наук. Родился в 1923 году в деревне Машково Оршанского района Витебской области. В 1941 году добровольцем ушёл на фронт. Награждён медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» I степени, орденом Отечественной войны I степени.

В 1945 поступил на филологический факультет Белгосуниверситета (г. Минск), после окончания которого работал в Институте языкознания Академии Наук БССР. В 1956 защитил кандидатскую диссертацию по филологии. В 1963 перешёл работать на кафедру истории философии, логики и эстетики Белгосуниверситета. В 1982 защитил докторскую диссертацию по эстетической проблематике. С 1994 работал на кафедре философии Белорусского института культуры.

Автор книг: *Логика красоты* (1965), *Основные эстетические категории: опыт систематизации* (1974), *Кибернетика и законы красоты* (1977), *НОМО PULCHER – Человек прекрасный* (1983), *Философия культуры: введение в теоретическую культурологию* (2000), *Блеск и трагедия идеала* (2004).

Умер 30 сентября 2013 года. Похоронен в г. Минске.

«ЖЫЦЦЁ ЯК ЗАВЕЯ»

Усё жыццё цяпер, як лёгкая завея.
Кнігу разгарнуў – а не магу чытаць.
Як зрабілася, што пакахаў цябе я, –
Хіба знаю я? Ды і нашто мне знаць?

М. Багдановіч

Мне очень трудно писать сегодня о Николае Игнатьевиче. Как будто бы я пытаюсь найти закопанный в далёком детстве секретик. И место уже давно не помню, и того, что спрятано, но верю в чудо и пытаюсь искать...

О существовании профессора Крюковского я узнала за долго до поступления в Белгосуниверситет. Культ Николая Игнатьевича сыграл не последнюю роль в выборе места будущего освоения профессии. От пожилых сотрудников Института языкознания Академии наук и музыкантов я слышала о том, что в 1960-е годы студентам негде было сесть, когда лекции читал Николай Игнатьевич. На лекции тогда приходило и очень много вольнослушателей, взрослых людей. Поэтому в 1989-м я была крайне удивлена, просто сконфужена отдельными комментариями старшекурсников в адрес легендарного профессора. Они относились к Николаю Игнатьевичу снисходительно-пренебрежительно, с некой долей иронии, как к чудоковатому интеллигенту.

Мы живём в трагическую эпоху. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и жизнь самого Николая Игнатьевича была достаточно драматичной (<http://nashaziamlia.org/2009/04/08/2053/>). И хотя его деятельность не получает широкого резонанса среди студенческой молодёжи и внешне, вроде бы, не оказывает столь сильного влияния на современное общество, однако сам профессор Крюковский сыграл важную роль в духовной и интеллектуальной революции нашего времени. Он имел дерзость посвятить

свою жизнь эстетике в тот момент, когда у советских философов и людей были совершенно иные интересы. В это время деятельность профессора Крюковского оказалась очень плодотворной, возможно, даже более плодотворной и успешной, чем принято считать. Я не говорю сейчас о поверхностном энтузиазме по поводу выходящих и переводимых на иностранные языки его монографий (а их было более пяти), защите докторской диссертации, я имею в виду его эстетический способ видения, его дух и профессиональный вкус, который он привнёс в белорусскую философствующую среду.

Не подлежит сомнению, что Николай Игнатьевич пришёл в педагогику со своим особым даром свободного видения, умением стать на точку зрения другого. Возможно, поэтому кому-то он казался отстранённым, беспристрастным. Но за внешней холодностью, чем-то даже «мефистофелевским», прочитывался «человек эпохи Просвещения», «морализм Канта», то, что именно и является врождённой интеллигентностью, аристократизмом духа. Эта способность являлась существеннейшей, потому что сам профессор был полностью свободен от диктата предубеждений и академических условностей. Его «травили», выживали из университета. Но мы, студенты, практически ничего не знали, ибо внешне и внутренне он оставался всегда «совершенен». Ему не нужно было вовлекаться в сложные игры, с помощью которых человек достигает признания в интеллектуальном мире. Таким образом, он занял в нём своё место вполне естественно, без склок, без скелетов в шкафах и чужих растоптанных судеб. Почти мальчишкой добровольцем ушедший на фронт, попавший в Вяземский «котёл» и чудом уцелевший, партизанивший в бригаде К. Заслонова, отсидевший в спецлагере НКВД, он не воевал в жизни. Высказывался авторитетно и без предубеждений, как поступает тот, кто знает человеческие слабости и не желает доказывать свою правоту, нагромождая искусственные построения. Ему не нужно было воздвигать у себя над головой ещё одну голову, как подсказывает дзенское изречение.

Мне посчастливилось быть дома у Николая Игнатьевича и разговаривать в домашней уютной обстановке. Общение с ним для меня было не просто очень важным; оно стало чем-то из другой жизни, другого времени. В профессоре было нечто от Дон Кихота, и эта аналогия не случайна, он сам рассуждал на данную тему в некоторых своих интервью (<http://tvinteltech.narod.ru/kryukovsky.html>). Из бесед я узнала о том, что Николай Игнатьевич в молодости хорошо играл на мандолине, балалайке и мог стать музыкантом, но помешало тяжёлое ранение в руку. Тем не менее он освоил ксилофон и довольно профессионально исполнял многие классические вещи. Едва ли можно по достоинству оценивать Николая Игнатьевича, не увидев его в повседневной жизни. Мне казалось, что он воплощает в себе все неопределимые качества «истинного профессора», «эстета по жизни». Являлся членом Союза художников; весьма профессионально рассуждал о звёздном небе и имел собственный телескоп; в

комнате находилось несколько макетов кораблей, и о них Николай Игнатьевич мог тоже говорить часами, как и о серфинге. Он постоянно был чем-то вдохновлён, и его вдохновение не являлось просто праздным любопытством, модой на хобби, чудаковатостью, он действительно был очень творчески и энциклопедически эрудированным человеком, «человеком-оркестром».

Встретившись с ним в домашней обстановке, я почувствовала, будто после долгих странствий вернулась к себе домой. И в этом ощущении истоков, дома – весь Николай Игнатьевич. Его обращение к корням, к белорусской тематике было своего рода завершением органического цикла. Когда на лекциях он произносил: «брыдка», «сорамна», – становилось действительно *брыдка* и *сорамна*. Он говорил как-то очень органично, живо и «вкусно». Его «белорусские лекции» невозможно было конспектировать и передавать содержательно, его действительно нужно было слушать, как слушают народные песни, колыбельную. О нём многого не скажешь, потому что многословные описания приковывают внимание к деталям, которые, по большому счёту, не имеют значения, да и он сам этого не любил. Когда мы видим перед собой процесс непосредственного творчества, все детали естественно уходят на второй план, важен процесс «чудодействия», который постигаешь, хотя и не можешь выразить. Впоследствии пытаешься рассказать об этом «чудодействии», но удерживаются лишь многочисленные детали, а чудо исчезает.

Его труды остаются с нами как образец отточенности текста, широкой эрудиции и внутренней глубокой логической стройности. Они дороги нам прежде всего тем, что помогают понять природу прекрасного на глубинном уровне. Ведь на поверхности всё предвещает только непонимание, конфронтацию, разделённость, а в глубине вещей и явлений всегда скрывается потаённая красота.

Крюковский не любил «постмодернизм», не чувствовал необходимости терять время на обсуждение абстрактных, теоретических вопросов данной заумной традиции. Наверное, потому что сам был очень естественным, органичным и целостным, нашёл свой путь и достиг духовной зрелости в традиции, полностью отличной от вышеозначенной.

Проницательный, оригинальный автор, который прожил долгую и интересную жизнь, он оставил нам даже незадолго до смерти весьма своеобразные тезисы, отражающие ещё одну сторону в специфике мышления Николая Игнатьевича: широкое профессиональное владение и понимание естественнонаучной проблематики (<http://inbelhist.org/?p=4445/>). Уникальность работ Крюковского – непосредственность восприятия и изложения. Он всё время говорил и писал почти об одном и том же. И всё же в его монографиях нет монотонности, и читателю не кажется, что он повторяется, поскольку у него каждая книга эмоционально по-новому насыщена, притом что при удивительной простоте и лёгкости изложения его произведения целостны и замечательным образом «переговариваются» друг с другом.

Ведь тот, кто говорит, имеет примесь того, о чём он говорит, пишет, и «вибрирует» тем, с чем он связан, и вы всегда можете слышать, как это «нечто» отзывается в атмосфере человека, в его проявлениях, в его речи и действиях. Человек, как бы внешне счастлив он ни был, будет обладать мелодической темой горести, злости, если он связан с кем-то, кто ненавидит весь мир. Она продолжается, она поёт свою песнь отдельно от всей симфонии, она имеет свой собственный тон. Вы всегда можете её различить. И тогда человек становится вибрирующей струной, а жизнь – музыкальным тоном. И с человеком «ритмуется», «рифмуется» вся природа. Вышеизложенные философские истины всплывают в моём сознании, когда я пытаюсь вспомнить живой образ Николая Игнатъевича.

Глядя на него, я каждой клеточкой своего тела ощущала какую-то незримую, сопричастную великому, сопричастную добру и созиданию. Всё, что только может быть возбуждено в душе, приходило в движение. Всё вопрошало, трепетало, распушалось в душе вне зависимости от тематики лекций.

За странной, на первый взгляд, манерой его экспрессивной речи, пугающей живостью белорусской повседневной речи не было никого и ничего другого, кроме выражаемого непосредственно звучащего смысла. В его лекциях вроде бы ничего насильственно не называлось, не именовалось, но и по сей день его ученики способны профессионально разбираться в художественных, эпохальных и архитектурных стилях, грамотно анализировать художественные произведения. Не говоря ничего определённого, он умел выразить саму суть.

Огромный недостаток современной эстетики состоит в том, что она всего лишь учит человека получать от жизни то, что ему хочется. И он пытается получить это во что бы то ни стало, всеми путями, правыми и неправыми, зачастую, невзирая на причиняемые другим людям потери и боль. Вследствие этого жизнь наполнилась конкуренцией в коммерции, на профессиональном поприще и государственной службе. Для того чтобы один мог приобрести, другой наверняка должен потерять. Жизнь – это результат взаимодействия, а истинное взаимодействие может быть создано посредством изменения настроения с эгоизма на бескорыстие, что и старался донести до нас Николай Игнатъевич.

Добро не культивируется внешними условиями среды, ни даже творческими усилиями, оно светит в душе, независимо от всего, и раскрывается в свете проблемы отношения к вечности, в свете идеи спасения другого, творческого искупления и созидания. Всё время мы стремимся к комфорту, стараемся быть успешными и тем самым мещански защищаемся от тех душевных катастроф, которые неизбежны, порождая лицемерие и «духовный пофигизм», сердечную черствость.

Добро, любовь – вне ценностей, вне всяких концепций; это живой опыт. Каждая религия говорит, что есть Бог или некий Абсолют, в каждой религии он понимается как нечто вездесущее, как присутствующее везде. Если он присутствует везде, то он присут-

ствует и в нас. Он присутствует во все времена. Когда мы здесь, теперь, сейчас, с нами – Бог. Но наш ум никогда не находится в настоящем мгновении, мы постоянно колеблемся, мечемся. Так и мы студентами рвались к чему-то новенькому, свеженькому, модненькому, не желая понимать, что жизнь – это тотальность, несущая в себе брёвна, мусор, рыб и птиц, и драгоценные вещи, и грязь, и друзей, и врагов, и нас самих. Она не делает различий, она уносит всё.

В действительности, всё великое по своей сути очень просто. Оно, несомненно, обладает важными и существенными различиями, однако в своей подлинной реальности едино, всегда приводя нас к встрече с истоками. И эта встреча оказывается возможной благодаря бескорыстной полной отдаче всего себя без остатка самой жизни.

Каждый из нас старается быть правым в своём бытии, мы занимаем определённые позиции, рубежи, окапываемся, отстаиваем их, отказываемся от них, а потом удивляемся, откуда у нас столько суеты, злости и боли. Мы изобретаем системы, а затем разрушаем их и скитаемся по городам и странам.

Но любовь онтологически непоправима. Она звучит всегда и везде. Своей формой и содержанием она утверждает только всеединство сущего, вечность становления, предельную ответственность пред творением. И в этой непоправимости добра, красоты, любви – весь Николай Игнатъевич. «Самотны птах у атачанні груганой», «завейанный» судьбой и лихолетьем времени, он был и остаётся тем, кто «ў нябёсах не згарыць, птушыны шлях намацае нагамі». Его жизнь и светлый уход – как бытие надежды, как возможность всем нам, кто не успел, не желал, остановиться и оглянуться назад, туда, к корням, к истокам, к «родным пепелищам», земле...

Беларусь мая, мая магіла...
І калі вясёлкай над труной
вып'е кроў да кроплі з маіх жылаў,
Беларусь, накрый мяне зямлёй.
Не, счакай, яшчэ аддам я вочы
сваёй здані,
каб мая душа
не зблудзіла на чужыну ўночы,
каб між намі не лягла мяжа.
Беларусь мая, мая магіла,
з бел-чырвона-белага радна
ці кашулю мне на смерць пашыла?
Беларусь мая, мая магіла,
ты ж адна ў мяне, як ёсць адна¹.

*Марія Мацевич
Рисунок Ю. Непомнящего*

¹ Сыс Анатоль, *Беларусь мая, мая магіла...*